

Н.Б. Селунская*

**«СПАСЕНИЕ ОТ ЗАБВЕНИЯ...»:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОШЛОГО
В ИСТОЧНИКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

N.B. Selunskaya

**“SALVATION FROM OBLIVION...”:
REPRESENTATION OF THE PAST
IN SOURCES OF HISTORICAL MEMORY**

Аннотация: Статья посвящена анализу тенденции развития исторической науки рубежа XX–XXI вв., связанной с так называемым «мемориальным бумом», который определил появление в 1980–1990-е гг. особой области «исследований памяти», *memory studies*, в предметном поле истории вообще и истории России в частности. Несомненное влияние на развитие этой области исторического знания оказало появление новых электронных средств хранения и транслирования информации, а также форм репрезентации прошлого, цифровизации источников разной типовой и видовой принадлежности. Следствием этих процессов стало выделение категории «источников исторической памяти», освоение которой требует решения ряда важных теоретических и методологических проблем. Наибольший интерес для исторического сообщества представляют методологические и источниковедческие аспекты исследований исторической памяти. Так, критерием выбора из комплексов источников различной типовой и видовой принадлежности тех, которые могут быть включены в структуру источников изучения исторической памяти, является их информативный потенциал, позволяющий «увидеть» прошлое, обогатить историческое знание эмоционально-психологическим восприятием образа прошлого. Важным тезисом методологического характера является признание того, что работа историка включает также функцию воображения, но ограничиваясь реконструкцией событий, а дополняя их «видением» и «представлением видения», извлеченного из источников памяти. В этой связи, с точки зрения источниковеда, весьма значимыми являются проблемы взаимодействия форм репрезентации прошлого и информативного потенциала источника в контексте современных практик *memory studies*, иерархии источников исторической памяти

* *Селунская Наталья Борисовна*, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Selunskaya Natalia Borisovna, Doctor in History, Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-964-634-43-47; selounsk@yandex.ru

(письменных-текстовых, аудиовизуальных, монументальных) на основе критерия значимости отдельных типов, видов и комплексов источников для изучения богатого спектра проблематики исследований памяти, а также для общей оценки познавательного потенциала, пределов и возможностей этой категории источников. В статье показаны угрозы манипулирования образами истории и фальсификаций источников изучения исторической памяти, значимость научно-исторического подхода, который помогает спасти наше прошлое от забвения, не искажая и «обновляя» память о прошлом в его многообразных репрезентациях.

Ключевые слова: визуальные источники, источники исторической памяти, исследования памяти, контрпамять, мемориальный поворот, образ прошлого, репрезентации памяти, эго-источники.

Abstract. The article analyzes the direction in the development of historical science at the turn of the twentieth–twenty-first centuries, associated with the so-called “memorial boom”, which determined the appearance, in the 1980–1990s, of a special area of “memory research”, memory studies, in the subject field of history in general and the history of Russia in particular. The evolution of this area of historical knowledge was undoubtedly influenced by the emergence of new electronic means of storing and transferring information, as well as the forms of representation of the past and digitalization of sources of different types and species. The result of these processes was the formation of the category of “sources of historical memory”, whose development requires solving a number of important theoretical and methodological problems. The methodological and source critical aspects of the study of historical memory are of the greatest interest to the historical community. So, in order to select from various bodies of sources of different types and species those that can be included in the structure of sources for studying historical memory, one should apply the criterion of their informative potential, which permits to “see” the past, enrich historical knowledge with emotional and psychological perception of the image of the past. An important thesis of methodological nature is the recognition that the work of the historian also involves the function of imagination, not being limited to reconstructing events, but supplementing them with “seeing” and “presenting a vision” derived from memory sources. In this regard, the source researcher gives considerable significance to the problems of interaction between the forms of representation of the past and the informative potential of the source in the context of modern practices of memory studies, the hierarchy of sources of historical memory (written-text, audiovisual, monumental) based on the criterion of the importance of certain types, kinds and sets of sources for studying the rich spectrum of problems in memory research, as well as for a general assessment of the cognitive potential, limits and possibilities of this category of sources. The article shows the dangers posed by the manipulation with the images of history and falsification of sources related to the study of historical memory, the significance of the scientific-historical approach, which helps to save our past from oblivion, without distorting or “renovating” the memory of the past in its diverse representations.

Keywords: visual sources, sources of historical memory, memory studies, counter-memory, memorial turn, image of the past, representation of memory, ego-sources.

Историческая наука с рубежа XX–XXI вв. переживает «мемориальный бум» — появляется всё больше работ, связанных с понятиями «память», «воспоминание», «забвение». Именно такого рода исторические сочинения и способствовали формированию в 1980–1890-е гг. особой «области исследований памяти» — *memory studies*. В историческом сообществе даже говорят о современности как «мемориальной эпохе». Институциональным отражением формирования новой области истории можно считать издание журнала «История и память. Исследования в области репрезентаций прошлого», проведение по данной проблематике международных форумов, а также развитие практик конкретно-исторических исследований, посвященных отдельным аспектам изучения исторической (или культурной) памяти¹. Особо хочется отметить опыт конкретно-исторических исследований памяти в предметном поле истории России².

По мнению сторонников этого направления историографии и методологии истории, главным предметом истории становится не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников и который транслировался последующим поколениям, превращаясь в «заверенную память», т.е. память, «преобразованную в историю»³.

Высокий спрос на тему памяти историки объясняют воздействием на современную историографическую традицию нескольких факторов. Так, представляется, что несомненное влияние на развитие этой области исторического знания оказало появление новых

¹ Об институализации и предмете исследований этого направления см., например: *Курилла И.* История и память в 2004, 2008 и 2014 годах // Отечественные записки. 2014. №3 (60). — URL: <http://magazines.rus.ru/oz/2014/3/4k.html> (дата обращения: 13.02.2020); *Захаров О.И.* Засеивая новое дисциплинарное поле // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 386–390; *Ростовцев В.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. Вып. 2. С. 106–126; *Леонтьева О.Б.* Мемориальный поворот // Диалог со временем. Вып. 50. М., 2015. С. 59–63; *Zelizer B.* Reading The Past against the Grain: The Shape of Memory Studies // *Critical Studies in Mass Communication*. Vol. 12. N 2 1992. P. 214–239.

² *Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. М., 2010; *Василенко И.А., Василенко Е.В., Ляпоров В.Н., Люлько А.Н.* Имидж России. Концепция национального и территориального брендинга. М., 2010; *Зорин В.А.* Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности // Политическая психологи. М., 2011. С. 300–310; *Шестопал Е.Б.* Образы российской власти от Ельцина до Путина. М., 2006; *Святославский А.В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М., 2012; *Цимбаев К.Н.* Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России. М., 2013. С. 475–498.

³ *Эксле О.Г.* Культурная память под воздействием историзма // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2001. С. 268–285.

электронных средств хранения и транслирования информации, т.е. искусственной памяти, а также форм репрезентации прошлого, цифровизации источников разной видовой принадлежности. Этот феномен оценивается как своеобразный маркер, знаменующий начало эпохи новой культурной революции, который по своему значению не уступает рождению книгопечатания, а также, в более раннюю эпоху — появлению письменности. Отмеченный фактор относится к изменившимся условиям развития исторического знания, которые определяют происходящие изменения в источниковой базе исторического исследования, появления в классификации исторических источников категории «источников исторической памяти», освоение которой требует разработки теоретических и методологических проблем, возникающих в новой предметной области истории — *memory studies*. Так, необходимо раскрыть историю появления и основания выделения этой категории источников, ее соотношение с другими типами и видами источников, известных по «классическим» классификациям, а также оценить их познавательный потенциал для получения знания о прошлом.

Представляется, что объяснение истоков появления в практиках исторических исследований категории «источников исторической памяти» связано с изменениями, происходящими внутри социально-гуманитарного знания на современном этапе его развития, внешним проявлением которых и явилось оформление области изучения памяти. Эти изменения связаны с рассмотрением нашей культурной традиции с позиций «посткультуры», в которой «завершившееся» продолжает существовать как предмет воспоминаний. Кроме того, учитывая тот факт, что и «живое воспоминание» находится под угрозой исчезновения с уходом поколения очевидцев и недолговечностью эпохи коллективного воспоминания, возникает проблема сохранения образа прошлого путем формирования культурной памяти о прошлом⁴. Наконец, говоря о причинах столь явного подъема интереса к изучению памяти в современной российской историографии и к источникам исторической памяти как эмпирической основе этой области истории, необходимо назвать неоднократные «ревизии» прошлого с 1917 по 2000 г., стремление создать «согласительную» версию прошлого, опираясь на источники памяти, содержащие наиболее аутентичные версии прошлого

Обращаясь к истории формирования области «исследований памяти», историки находят истоки этого процесса в работах Р.Дж. Коллингвуда (1889–1943), в которых автор отмечал, «что сознание, кото-

⁴ *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 11.

рое не могло бы помнить, не обладало бы и историческим знанием», а «память как таковая — всего лишь мысль, протекающая в настоящем, объектом которой является прошлый опыт». Историческое знание, по версии Коллингвуда, является «особым случаем памяти», «способности мысли прошлого возрождаться в настоящем»⁵. Он развивал идею «живого прошлого», которое изучает историк путем поиска и обнаружения в свидетельствах прошлого ответов на вопросы, задаваемые им сегодня.

Своеобразное развитие концепции исторической памяти историки находят и в отечественной историографии разных периодов. Так, например, В.Б. Шепелева (Омский государственный университет), подчеркивая «актуальность проблемы соотношения внутренних тенденций развития социумов и исторической памяти в период вызова времени XX — начала XXI века», усматривает истоки разработки проблемы истории и памяти в русской историософской мысли. Она отмечает, что русские мыслители середины XIX — начала XX в. обозначили проблему «сущностной памяти», «культурного кода» через феномен «русской идеи», которые являются «регулятивами исторического бытия» и определяют духовные начала, ценностные ориентиры народа, нации, их «клик и призвание»⁶.

Л.П. Репина отмечает, что разработкой теоретико-методологических проблем изучения исторической памяти занимались Ю.А. Левада и М.А. Барг⁷. Они развивали идею о том, что в каждую историческую эпоху историческое сознание представляет собой взаимодействие теоретических и практических форм социальной памяти, включающих народные предания, мифологические представления и научные данные.

В современном «мемориальном» дискурсе подчеркивается, что с точки зрения методологии эта новая область исследований характеризуется междисциплинарным подходом, сотрудничеством в исследовательских практиках историков, социологов, психологов, социальных антропологов, литературоведов, специалистов в области культуры. Сама область исследований памяти трактуется как явление европейской культуры XX в., «показатель перемен в самом обществе», как проявление «мемориального движения», «всемирного торжества памяти». Проявлениями этого мемориального движения являются широкий размах интереса в обществе к поиску своих «кор-

⁵ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 280, 378.

⁶ Шепелева В.Б. *История и память в русской историософской мысли и вызов времени XX — начала XXI века // Материалы междунар. науч. конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: международная научная конференция»*. М., 2016. С. 437–438.

⁷ Репина Л.П. *Историческая наука на рубеже XX–XXI*. М., 2011. С. 411–431.

ней», развитие коммеморативных практик, различных институций исторической памяти.

Так, в опубликованной в Мюнхене в 1992 г. монографии одного из идеологов этой области знания ученого-египтолога Яна Ассмана «Культурная память. Письменность, воспоминание и политическая идентичность в ранних цивилизациях» отмечалось, что «вокруг понятия воспоминание выстраивается новая парадигма наук о культуре»⁸. При этом представители данной области указывают на явную неопределенность самого предмета и концепта, его обозначающего. С определением понятия «памяти» ситуация весьма показательна и напоминает, по мнению историков, многозначность концепта «культура», имевшую 157 дефиниций. Так, Э. Тульвинг в статье «Существует ли 256 различных видов памяти?» приводит список всех выявленных им словосочетаний с концептом «память»⁹. И в отечественной, и в зарубежной историографии можно найти попытки классификации определений концепта памяти, выделения основных смыслов, вокруг которых структурируется предметное поле исследований коллективной памяти¹⁰.

Представляется, однако, что в современных дискуссиях наибольший интерес для исторического сообщества представляют методологические и источниковедческие аспекты исследований исторической памяти. В этой связи, с точки зрения источниковеда, весьма значимой является проблема форм репрезентации прошлого в контексте современных практик *memory studies*, иерархия источников исторической памяти, значимость отдельных типов, видов и комплексов источников для изучения конкретно-исторической проблематики. Важным представляется понимание содержания познавательного процесса историками, принадлежащими к области изучения исторической памяти. Так, американский историк Аллан Мегилл в своем докладе на международной конференции «История. Память. Идентичность», проходившей в Москве в октябре 2016 г., подчеркивал, что понимание историком своей задачи имеет двоякий смысл: получение знания о прошлом, т.е. познание прошлого и репрезентация прошлого, и получение образа прошлого¹¹. Следовательно, по мнению А. Мегилла, историк не должен ограничиваться реконструкцией реальных

⁸ Ассман Я. Указ. соч. С. 11.

⁹ См., например: *Tulving E. Are There 256 Different Kinds of Memory? // The Foundation of Remembering. New York, 2007.*

¹⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2005. С. 170–220; *Zelizer B. Op. cit. P. 214–239.*

¹¹ Материалы междунар. науч. конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: международная научная конференция». М., 2016.

событий, того, что «действительно произошло». Работа историка включает и функцию воображения для представления того, *как что-то произошло*, т.е. реконструкция событий должна быть дополнена «видением» и «представлением видения», которые оцениваются значительно, нежели просто знание, или узнавание.

Источники, позволяющие осуществить «репрезентации прошлого» в дополнение к «реконструкции» того, что было, относятся к категории источников исторической памяти, которые могут быть разнообразны по своей видовой и типологической принадлежности. Объединяющим их основанием является вовлеченность в практики исследований памяти — *memory studies*. То есть критерием выбора из комплекса нарративных источников тех, которые могут быть включены в структуру источников изучения исторической памяти, является их потенциальные информативные возможности «увидеть» прошлое, обогатить историческое знание эмоционально-психологическим восприятием образа прошлого. Именно этот подход определяет такую особенность категории «источники исторической памяти», как типовое и видовое разнообразие. Историки выделяют следующие разновидности источников исторической памяти, или формы репрезентации прошлого, «виды носителей памяти»: архитектурные сооружения и мемориальные памятники, произведения искусства, фильмы, школьные учебники, художественная и научная литература. В работах, посвященных изучению памяти, содержатся примеры исторического подхода к процессу формирования «источников памяти», в том числе к их периодизации, в которых выделяются различные этапы этого процесса. На основе способов формирования, фиксирования, сохранения и передачи воспоминаний людей о прошлом (исторической памяти) выделяют устную традицию, характерную для периода, когда «грамотность не пришла еще на смену традиционной устной культуре»¹² и которая составляла источниковую основу знаний первых историков Геродота и Фукидида, а также средневековых летописцев и историков. Эпоха Возрождения знаменовалась ростом значения письменной передачи памяти с использованием табличек и значков. Историками выделяется также память, основанная на простых заметках; механизированная память; электронная память, медиа-кино-телевидение, которые на современном этапе приобретают особую роль.

Поиск критериев определения категории источников исторической памяти, как видим, сопровождается предложениями различных классификаций, в том числе на основе этапов исторической эволюции и форм бытования этих источников в обществе, форм выражения

¹² Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 418–419.

исторической памяти. В обобщенном виде историки выделяют «две модели репрезентации исторического прошлого» как способов передачи и фиксации исторической памяти: звуковой (эпос) и письменный (хроника). Каждая из названных моделей имеет «контрастные характеристики»¹³.

Своеобразным итогом поиска критериев для определения источников памяти как особой группы является заявление польского историка Мартина Кулы в его книге «Носители исторической памяти» о том, что «прошлое отражается буквально в каждом предмете и явлении», а «носителями памяти является буквально всё»¹⁴.

Представляется, однако, что в практиках исследований памяти историки фокусируют внимание на определенных типах и видах источников. Так, например, изучение коммеморативных практик как инструмента формирования воспоминаний основывается, прежде всего, на нарративных источниках: воспоминаниях участников и свидетелей событий. Но ими далеко не исчерпывается круг источников изучения памяти, который все более расширяется за счет привлечения, например, материалов, посвященных юбилеям исторических деятелей, церемониям празднования исторических «памятных» дат и событий. В структуре источниковой базы изучения исторической памяти появляются такие формы «репрезентации прошлого», как монументальная, представленная памятниками государственным и политическим лидерам, общественным деятелям, «места памяти», репрезентирующие пространственные образы исторических событий, например Бородинское поле, Поклонная гора. В этих пространствах протекала повседневная жизнь обычных людей, однако, по воле судьбы, они становились «центрами различных драматических событий или церемоний»¹⁵. Изучение «мест памяти» особенно развито во французской историографии, в частности, реализовано в форме проекта «Места памяти...» под руководством П. Нора¹⁶. Стоит упомянуть и об исследованиях в области топонимики, в фокусе внимания которых находятся названия / история переименований городов, улиц, станций метро. Такого рода источниковедческими исследованиями больше занимаются краеведы и историки локальной истории.

Наиболее значимым явлением для источниковеда на сегодняшний день является, пожалуй, массовое увлечение визуальными источниками как носителями исторической памяти: это иллюстрированная

¹³ Там же. С. 419–420.

¹⁴ См.: Ростовцев В.А., Сосновский Д.А. Указ. соч. С. 116.

¹⁵ См., например: Иванова Т.Н., Дмитриева О.О. Юбилей 1812 года // История. Память, Идентичность... С.159–161.

¹⁶ Репина Л.П. Память и историописание // История и память: Историческая культура до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 19–46.

открытка, фотография, музейные коллекции и экспозиции, исторические панорамы. Именно потому, что исследователи исторической памяти подчеркивают значимость «видения» эпохи, а источники визуализации памяти во многом определяют это видение прошлого и настоящего, демонстрируя, что «память визуальна». Вспоминая что-либо, мы стремимся представить, вообразить, комбинируя образы когда-то виденного. И индивидуальная, и коллективная память работает по принципу: чтобы лучше помнить, надо видеть (и наоборот, «с глаз долой — из сердца вон»). Это видение может быть сенсуальным-чувственным, когда историк работает с визуальными источниками — образами и даже реальными артефактами.

«Мемориальный угол зрения» при рассмотрении огромного комплекса источников, различных по типовой и видовой принадлежности, авторству и истории происхождения, содержащих информацию о различных историко-культурных явлениях, ранее мало связанных в научном дискурсе, теперь придает парадигматичность исследованиям многообразной проблематики предметного поля исторической памяти, определяет подходы к анализу и критерии оценки познавательного потенциала этой категории источников, именуемых объединяющим их определением как источников исторической памяти.

Так, при работе с традиционно используемыми историческими текстами, принадлежащими по видовой классификации к типу письменных источников, методология области изучения памяти диктует свою иерархию разновидностей нарративных источников как источников исторической памяти. На первый план при таком «мемориальном подходе» выступают источники личного происхождения, которые могут обеспечить репрезентацию как «видение» прошлого со своей спецификой. Эта специфика обозначена как «метафорический характер» видения прошлого, что означает «интеллектуальное» умственное видение прошлого через считывание текста источника исторической памяти. Исследователи исторической памяти выделяют целый ряд разновидностей источников, которые имеют свою специфику как источники изучения данного предметного поля и с этой точки зрения оцениваются их информативные возможности и разрабатываются методики анализа. Среди комплекса нарративных источников памяти выделяется, например, «травелог» — своего рода форма постижения «чужого» культурного пространства, которая представлена такой разновидностью источников, как записки путешественников¹⁷. Следует отметить, что еще К. Бестужев-Рюмин

¹⁷ Зилов А. Дневник русского путешественника по Европе. СПб., 1843; Греч Н.И. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. СПб., 1847; Кюхельбекер В.К. Европейские письма // Взгляд сквозь столетия. М., 1977.

указал на преувеличения и ошибки в такого рода источниках. На специфику информации, содержащейся в подобных источниках, указывал и академик М.Н. Тихомиров, который объяснял ошибки иностранцев тем, что «они обычно не знали языка народа страны, в которую они приезжали». Он отмечал неравномерность достоверности сочинений иностранцев о России, характеризовал особенности их восприятия «чужого пространства» следующим образом: «Приезжая в далекое государство, где нравы и обычаи резко отличались от Западной Европы, иностранцы обычно рассматривали новые для них порядки со своей точки зрения; поэтому им бросалось в глаза главным образом все отрицательное»¹⁸. Справедливости ради надо сказать, что М.Н. Тихомиров рассматривал «необъективность оценок» как общую черту записок иностранцев, характерную и для оценок Европы российскими путешественниками, например, В.К. Кюхельбекером в его «Европейских письмах»¹⁹. Впечатления современников, их образы стран, событий и персоналий содержатся также в такой разновидности источников памяти, как, например, «устная история», часто уже записанная историками в виде интервью. Эта разновидность источника исторической памяти часто используется при изучении идентичности персоналий, групп и общностей в исторической ретроспективе²⁰.

Следует признать, что особенностями современного этапа развития историографии является то, что она отвечает на вызовы, связанные с «мемориальным бумом» и успешно реализует стремление историков «историзировать историю» на основе сближения с литературой и активного вовлечения в исследование источников личного происхождения, или эго-источников. Таким образом, историк особое внимание уделяет текстам, фиксирующим индивидуальный опыт человека, его переживания, запечатленные в дневниках, переписке, мемуарах, т.е. источниках, включенных в категорию источников исторической памяти²¹.

Под влиянием мемориального поворота в современном источниковедении активно разрабатываются методология «истории понятий» при анализе исторических текстов, прежде всего источников

¹⁸ Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1962. С. 319.

¹⁹ Кюхельбекер В.К. Указ. соч. С.113–116.

²⁰ Селунская Н.Б. Мифологема русский европеец как субъективное измерение идентичности эмигрантов первой волны // Диалог со временем. 2018. Т. 64. С. 179–195.

²¹ Селунская Н.Б. Образ своего/иного культурно-исторического пространства в беллетризованных мемуарных текстах А.И. Куприна // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 144–150.

личного происхождения, квалифицируемых как источники исторической памяти. Особое внимание уделяется языку изучаемой эпохи, ключевым, базовым понятиям, которые могли исчезать и появляться вновь с иным наполнением, смыслами. Доказательством внимания к текстовым источникам как источникам исторической памяти являются специальные исследования, посвященные принципам и перспективам развития методологии истории понятий²². Отмечая, что истоками методологии анализа текстовых источников исторической памяти являются две школы зарубежной историографии истории понятий: немецкая (Begriffsgeschichte) и англосаксонская (History of Concepts) — исследователи особое внимание уделяют процедуре выбора текстов, аутентичных для извлечения ключевых, базовых понятий, через которые современники транслировали свои отношения, оценки явлений и событий прошлого. При этом подчеркивается «недостаточность» привлечения текстов «великих», известных авторов, а потребность в текстах, репрезентирующих «обыденность, повседневность» и содержащих с высокой частотой повторяемость понятий, бытовавших и использовавшихся в обществе.

Отмеченные требования к источнику продиктованы задачей «считывания», интеллектуального «видения» образов прошлого, отображенного в текстах, раскрытия смыслов понятий, расхождений между старыми значениями слова (понятия) и новым содержанием этого же слова. Примером подобного рода опыта сравнительно-контекстуального анализа может служить исследование текстов мемуарных источников по истории Государственной думы в России в начале XX в., написанных современниками, в том числе депутатами первого российского парламента²³. Критериями формирования комплекса исследуемых понятий для авторов были принципы системности, жанрового многообразия источников, массового использования в различных контекстах понятий. А процедура анализа включала выявление существенных и конкурирующих понятий, отражающих «пространство опыта» и представления о перспективах развитии общества, так называемые «горизонты ожиданий» представителей различных политических партий и движений. К числу таких ключевых базовых понятий были отнесены такие «конкурирующие понятия, как революция и реформа, конституционализм, парламентаризм, диктатура и другие, с целью выявления различий в видении перспектив развития общества. Интерес представляли названия

²² Тимофеев Д.В. Методология истории понятий в контексте истории дореволюционной России. Перспективы и принципы применения // Диалог со временем. Вып. 50. М., 2015. С.116–138.

²³ Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005.

политических партий и их эволюция в исторической ретроспективе, инструментом для исследования которых было сочетание синхронного и диахронного анализа, а также сравнительно-контекстуальный анализ употребления тех или иных словосочетаний для трансляции сути политических объединений, партий и фракций.

Значительной тенденцией развития источниковедения современных исторических исследований в условиях «мемориального поворота» стало расширение ареала источников, активное включение в научный оборот таких ранее игнорируемых или весьма слабо используемых историками типов исторических источников, как, например, аудиовизуальные источники. Этот особый тип исторических источников отличается тем, что обладает особым способом кодирования-фиксирования информации посредством звука (воспроизведения речи в том числе), создания визуального образа (изображения в виде фотографии, открытки, рисунка, кадра в кинематографе и др.). Кроме того, эти источники обладают особыми информативными возможностями, эмоционально-психологическим воздействием. Вместе с тем, такого рода источники требуют разработки специальных методик анализа в контексте исторического исследования.

Именно «визуальный материал» позволяет реконструировать историко-культурный фон бытования и развития исследуемых феноменов. Обращение к такой разновидности, аудиовизуальных источников, как кинофотофонодокументы и их исследование имеет традицию, в том числе — связанную институционально с историческим факультетом Московского университета. Так, разработка источниковедческих проблем исследования кинофотофонодокументов представляет собой важную часть научного наследия В.М. Магидова, известного ученого, чей творческий путь начинался на кафедре источниковедения, выпускником которой он являлся и где защищал диссертацию²⁴. Он обобщил свои наработки по этой тематике в фундаментальной монографии «Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания»²⁵. Благодаря документальному характеру фотодокументов их историческая содержательная значимость со временем возрастает, приобретает все большую ценность сохранения исторической памяти о времени, людях и событиях. В то же время, подчеркивая значимость образного представления реальности, В.М. Магидов четко определил и ограниченность такого источника, как фотодокумент для историка, отмечая, что он способен остановить мгновение, но при этом оставить многое «за кадром».

²⁴ Подробнее см.: Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета / Под ред. А.Г. Голикова. СПб., 2019.

²⁵ Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005.

Использование коллекций фотографий в практике исторических исследований представляется весьма эффективным при изучении различных исторических явлений и периодов. Так, на кафедре источниковедения традиция анализа аудиовизуальных источников продолжает разрабатываться как известными специалистами, так и молодыми учеными²⁶. Опыт разработки визуальных источников на историческом факультете проявился не только в научных источниковедческих исследованиях, но и в организации конференций, посвященных проблемам освоения визуальных источников. Так, 28 февраля 2019 г. по инициативе кафедр источниковедения и исторической информатики состоялась конференция «Роль источников визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки» в рамках проекта «Роль музеев, библиотек и архивов в информационном обеспечении исторической науки»²⁷. Открывая конференцию, академик РАО, профессор Л.С. Белоусов подчеркнул значимость оценки роли «визуального поворота» как характеристики современного этапа развития мировой исторической науки и его влияния на исследовательские практики и гуманитарное образование в целом. Проблемам преподавания источниковедения изобразительных источников был посвящен доклад заведующего кафедрой источниковедения, профессора А.Г. Голикова, в котором были раскрыты истоки разработки этой области источниковедения в трудах В.А. Плугина, а также продемонстрирован современный опыт освоения изобразительных источников и способы его транслирования студенческой аудитории в ходе образовательного процесса. О новых возможностях, связанных с цифровым поворотом, так называемой цифровой (digital) революцией говорилось в докладе чл.-корр. РАН, профессора Л.И. Бородкина. Им был убедительно доказан тот факт, что историк может привлекать «виртуальные» визуальные источники, т.е. в оцифрованном формате, среди которых могут быть и экспонаты музейных коллекций, и монументальные источники исторических мест (мест памяти), этнографические и другие материалы для реконструкции объектов историко-культурного наследия.

Оценивая трансформации в области источниковедения, связанные с развитием *memory studies*, следует отметить их значимость. Так, расширение ареала источников и методик анализа «традиционных» и «новых» их типов и видов в практиках исследования памяти, а также

²⁶ Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политическое карикатуре. М., 2010; Андрианова Е.Н. «Фотографии с натуры» — источник по социальной истории России конца XIX в. Саарбрюккен, 2012.

²⁷ Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Автор-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М., 2019.

развитие методик их анализа, интерпретации, понимания несомненно важны для получения комплиментарного исторического знания в форме эмоционально-психологического, сенсуально-чувственного «видения» образов исторических эпох, народов, персоналий.

Новая парадигма социально-гуманитарных исследований, связанных с понятием коллективной памяти, предполагает в частности изменение представлений об источниках исследований памяти, основы реконструкции образа прошлого. В контексте рассмотрения методологических и источниковедческих проблем исследований памяти наибольший интерес представляют интерпретации исторической памяти как символической репрезентации исторического прошлого, как канала передачи опыта и сведений о прошлом и как важнейшей составляющей самоидентификации индивида, социальной группы или общества. Кроме того, исследователями дискутируется инструменталистский, прагматический подход к коллективной памяти как к инструменту оперирования со временем в интересах социальных групп для достижения определенных целей и получения выгод.

Опираясь на приведенные наблюдения исследователей относительно опыта изучения памяти, можно сделать вывод о сложности природы феномена памяти как предмета исторических сочинений, что обусловило многообразие аспектов, проблематики изучения памяти. Кроме того, очевидна значимость разработки методологии и источниковой базы изучения исторической памяти в контексте развития и расширения познавательных средств и эмпирической основы реконструкции прошлого современным историческим сообществом. Каждое новое поколение составляет свой образ эпохи, эти образы наслаиваются, образуя многослойное восприятие эпохи и делая почти невидимым первоначальный текст (как переписанные пергаменты). Вернуться к первоначальному слою — и показать облик эпохи глазами и голосами участников и современников, в частности тот, который запечатлели различные «источники, репрезентирующие память о прошлом», — это задача источниковеда сегодняшнего дня. Именно степень внимания к источниковедческим проблемам во многом определяет познавательные возможности практик исследования памяти. В то же время представляется необходимой и оценка социальных и политических аспектов историографических практик изучения памяти как инструмента «оперирования историком временем» и моделирования образов прошлого, которые имеют своим следствием феномен, известный как «войны памяти».

Одной из наиболее активно изучаемых тем в области исследований памяти является «проблема пластичности коллективной памяти», степени свободы конструирования того или иного образа прошлого в соответствии с запросами современности. Отметим, что

у историков уже не вызывает споров тезис о том, что образ прошлого является социокультурным конструктом, а не данностью, реальностью и др. Здесь акцент делается на то, как политически доминирующие группы в обществе манипулируют образами исторического прошлого и внушают массам определенную концепцию истории, легитимизирующие их политические цели и господство. В этом аспекте наиболее продуктивным является «динамически-коммуникативный подход» к изучению социальной (культурной) памяти. Акцент здесь делается на процесс социальной коммуникации, на ограничения и воздействия на участников процесса взаимодействия, желающих переинтерпретировать прошлое в своих целях.

При данном подходе важно учитывать, что память конструируется не только «сверху» (правящими элитами), но и «снизу». Каждый проект конструирования памяти о том или ином событии может столкнуться с проектами «контрпамяти», так называемой «оппозиционной памяти». Этот постмодернистский по своей природе подход ассоциируется в историографии с идеями М. Фуко о «контрпамяти» как форме сопротивления доминирующему комплексу «власти-знания», который своим следствием имеет «возникновение множества малых и мелких историй», приход на смену официальной истории, «монолога», многообразия нарративов, превращение современных обществ в сообщества «групп памяти». Историки отмечают, что негативными проявлениями мемориального поворота в историографии явились так называемые «войны памяти», которые вызвали активизацию проблематики, связанной с исторической политикой в спорах между государствами, развитие практики принятия «мемориальных законов», предполагающих административную и даже уголовную ответственность за публичное высказывание определенных взглядов на прошлое²⁸. В историографии исследований памяти подчеркивается, что все чаще в эпоху возникновения новых национальных государств мобилизуются образы исторических деятелей и конструируются мифологемы начала своей истории. В качестве примера приводятся практики «эксплуатации» «фигуры первого русского царя», которая «стала символической и связана с ролью России в судьбах народов постсоветского пространства»²⁹. По мнению историков, в подобных «проектах» образ Ивана Грозного (1533–1584) репрезентирует образ русского правителя вообще, исторический типаж, средство обличения «русского империализма» и «московского деспотизма».

²⁸ Цимбаев К.Н. Указ. соч.; Святославский А.В. Указ. соч.

²⁹ Филошкин А.И. «Мобилизация тирана»: образ Ивана Грозного в «войнах памяти» на постсоветском пространстве // История, память, идентичность. Теоретические основания и исследовательские практики. Материалы междунар. науч. конференции. М., 2016. С.413–416.

Как видим, социально-политические и идеологические мотивы в практиках исследований исторической памяти, формирования образов прошлого и его репрезентаций усиливают значимость источниковедческих проблем для этой области исторического знания. Представляется, что введенная в практики исследований категория «источников исторической памяти» является операциональным конструктом, обозначающим весьма разнородный по своей видовой принадлежности, информативной ценности и степени надежности комплекс источников, объединенный предметным полем его использования историками. Именно это предметное поле, изучение исторической памяти, как и сформулированные историком конкретные цели и задачи, во многом определяют подходы к критике и анализу источников, составляющих эмпирическую основу исследовательских практик в данной области исторического знания. Вместе с тем, представляется важным отметить, что сами методики работы с источниками исторической памяти должны рассматриваться как продолжение, развитие, корректировка тех методов анализа определенных типов и видов исторических источников, которые имеют глубокую традицию в мировой историографии. Спасая от забвения, историк не должен позволять себе искажать и обновлять память о прошлом в его многообразных репрезентациях.

References

Andrianova E.N. “*Fotografii s natury*” — *istochnik po sotsial'noy istorii Rossii kontsa XIX v.* [“Photos from Nature”. A Source on the Social History of Russia at the End of the 19th Century]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 131 p.

Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 368 p.

Barabash V.V., Bordyugov G.A., Kotelenets Ye.A. *Obrazy Rossii v mire* [Images of Russia in the World]. Moscow: AIRO-XXI, 2010. 296 p.

Collingwood R.G. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. Moscow: Nauka, 1980. 486 p.

Filyushkin A.I. “*Mobilizatsiya Tirana*”: *obraz Ivana Groznogo v “voynakh pamyati” na postsovetском prostranstve* [“Mobilization of a Tyrant”: the Image of Ivan the Terrible in the “Wars of Memory” in the Post-Soviet Space] // *Istoriya. Pamyat'. Identichnost'. Teoreticheskiye osnovaniya i issledovatel'skiye praktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [History. Memory. Identity. Theoretical Foundations and Research Practices. *Acta* of the International Academic Conference]. Moscow: Akvilon, 2016. P. 413–416.

Golikov A.G., Rybachenok I.S. *Smekh — delo ser'yeznoye. Rossiya i mir na rubezhe XIX–XX vekov v politicheskoy karikature* [Laughter is Serious Business.

Russia and the World at the Turn of the 19th–20th Centuries in Political Caricature]. Moscow: IRI RAN, 2010. 328 p.

Istochnikovedeniye istorii SSSR [Source Study of the History of the USSR] Is. 1. *S drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka* [From Ancient Times to the End of the 18th Century]. Moscow: Sotsekgiz, 1962. 319 p.

Ivanova T.N., Dmitriyeva O.O. *Yubiley 1812 goda* [Anniversary of 1812] // *Istoriya. Pamyat'. Identichnost'. Teoreticheskiye osnovaniya i issledovatel'skiye praktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [History. Memory. Identity. Theoretical Foundations and Research Practices. Acta of the International Academic Conference]. Moscow: Akvilon, 2016. P. 159–161.

Kafedra istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta [Department of Source Studies, Faculty of History, Moscow University] / Ed. by A.G. Golikov. Saint Petersburg: Aletyya, 2019. 302 p.

Kurilla I. *Istoriya i pamyat' v 2004, 2008 i 2014 godakh* [History and Memory in 2004, 2008 and 2014] // *Otechestvennyye zapiski*. 2014. № 3 (60). P. 36–43.

Leon't'yeva O.B. *Memorial'nyy povorot* [Memorial Turn] // *Dialog so vremenem*. 2015. Is. 50. P. 59–63.

Magidov V.M. *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya* [Cinema-Photo-Phono Documents in the Context of Historical Knowledge]. Moscow: RGGU, 2005. 394 p.

Oexle O.G. *Kul'turnaya pamyat' pod vozdeystviyem istorizma* [Cultural Memory under the Influence of Historicism] // *Odissey. Chelovek v istorii* [Odysseus. A Person in History]. Moscow: Nauka, 2001. P. 268–285.

Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical Science at the Turn of the 20th–21st Centuries]. Moscow: Krug, 2011. 560 p.

Repina L.P. *Pamyat' i istoriipisaniye* [Memory and History Writing] // *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura do nachala Novogo vremeni* [History and Memory: Historical Culture before the Modern Time] / Ed. by L.P. Repina. Moscow: Krug, 2006. P. 19–46.

Rol' izobrazitel'nykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statey [The Role of Pictorial Sources in the Information Support of Historical Science: A Collection of Articles] / E.A. Vorontsova, author-compiler; A.G. Golikov, editor in chief. Moscow: Nestor-Istoriya, 2019. 1024 p.

Rostovtsev V.A., Sosnitskiy D.A. *Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii* [Directions of Historical Memory Studies in Russia] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2014. Ser. 2. Is. 2. P. 106–126.

Savel'yeva I.M., Poletayev A.V. *“Istoricheskaya pamyat’”: k voprosu o granitsakh ponyatiya* [“Historical Memory”: Concerning the Question of the Boundaries of the Concept] // *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the Past] / Ed. by I.M. Savel'yeva, A.V. Poletayev. Moscow: GU–VSHE, 2005. P. 170–220.

Selunskaya N.B. *Mifologema “russskiy yevropeyets” kak sub'yektivnoye izmereniye identichnosti emigrantov pervoy volny* [“Russian European” Mythologeme as a Subjective Dimension of the Identity of the First Wave Emigrants] // *Dialog so vremenem*. 2018. Is. 64. P. 179–195.

Selunskaya N.B. *Obraz svoyego/inogo kul'turno-istoricheskogo prostranstva v belletrizovannykh memuarnykh tekstakh A.I. Kuprina* [The Image of the Our/Other

- Cultural and Historical Space in the Fictionalized Memoir Texts of A.I. Kuprin] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2019. № 6. P. 144–150.
- Selunskaya N., Toshtental' R. *Zarozhdeniye demokraticheskoy kul'tury: Rossiya v nachale XX veka* [The Birth of Democratic Culture: Russia at the Beginning of the 20th Century]. Moscow: ROSSPEN, 2005. 336 p.
- Shepeleva V.B. *Istoriya i pamyat' v russkoy istoriosofskoy mysli i vyzov vremeni XX — nachala XXI veka* [History and Memory in Russian Historiosophical Thought and the Challenge of the Times of the 20th — Early 21st Century] // *Istoriya. Pamyat'. Identichnost'. Teoreticheskiye osnovaniya i issledovatel'skiye praktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [History. Memory. Identity. Theoretical Foundations and Research Practices. Acta of the International Academic Conference]. Moscow: Akvilon, 2016. P. 437–438.
- Shestopal E.B. *Obrazy rossiyskoy vlasti ot Yel'tsina do Putina* [Images of Russian State Power from Yeltsin to Putin]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 535 p.
- Svyatoslavskiy A.V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [The History of Russia in the Mirror of Memory. Mechanisms for the Formation of Historical Images]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2012. 592 p.
- Timofeyev D.V. *Metodologiya istorii ponyatiy v kontekste istorii dorevol'yutsionnoy Rossii. Perspektivy i printsipy primeneniya* [Methodology of the History of Concepts in the Context of the History of Pre-Revolutionary Russia. Prospects and Principles of Application] // *Dialog so vremenem*. 2015. Is. 50. P. 116–138.
- Tsimbayev K.N. *Rekonstruktsiya proshlogo i konstruirovaniye budushchego v Rossii XIX veka: opyt ispol'zovaniya istoricheskikh yubileyev v politicheskikh tselyakh* [Reconstruction of the Past and Construction of the Future in the 19th-century Russia: The Experience of Using Historical Anniversaries for Political Purposes] // *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii* [Historical Culture in Imperial Russia]. Moscow: VSHE, 2013. P. 475–498.
- Tulving E. *Are There 256 Different Kinds of Memory? // The Foundation of Remembering*. New York: Psychology Press, 2007. P. 39–52.
- Vasilenko I.A., Vasilenko E.V., Lyaporov V.N., Lyul'ko A.N. *Imidzh Rossii. Kontseptsiya natsional'nogo i territorial'nogo brendinga* [The Image of Russia. National and Territorial Branding Concept]. Moscow: Ekonomika, 2010. 222 p.
- Zakharov O.I. *Zaseivaya novoye distsiplinarnoye pole* [Sowing a New Disciplinary Field] // *Dialog so vremenem*. 2013. Is. 42. P. 386–390.
- Zelizer B. *Reading The Past against the Grain: The Shape of Memory Studies // Critical Studies in Mass Communication*. Vol. 12. № 2. 1992. P. 214–239.
- Zorin V.A. *Problema vospriyatiya obraza politika v kontekste izucheniya yego lichnosti* [The Problem of the Perception of the Image of a Politician in the Context of Studying His Personality] // *Politicheskaya psikhologiya* [Political Psychology]. Moscow: Aspekt Press, 2011. P. 300–310.

Поступила в редакцию
15 февраля 2020 г.